

Дело, которому он служит

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

газетной очерке, это — тема документальной повести о минувших днях героической битвы в огненном кольце врага. Уже в первый день 344-й полк дивизии Людвиков лишился своего командира. Пока стемнело — лишь тогда можно было отвести Реутского к переправе. — Он, слепой, избранный осколками и контуженный, продолжал руководить боем. Но я хочу сейчас рассказать не о ратной славе этого человека. Есть подвиги, которые совершаются в часы и минуты самозабвенного порыва. Во сто крат труднее совершить подвиг, требующий от человека всей его жизни — день за днем, год за годом.

Всегда вдвоем

Александра Андреевна провозила мужа на фронт летом 1942 года. Вместе с группой молодых командиров, выпускников курсов «Выстрел», старший преподаватель этих курсов полковник Реутский уезжал на самое важное направление — стalingрадское. А через полгода супруги встретились в партизанской московской клиннике.

В грохоте стalingрадской наводны встречали люди 1943 года. Если бы не война и не тяжкое горе, постигшее Реутских, они бы отметили этот год серебряной свадьбой. Ведь настоящей свадьбы не было. В боях с колчаковцами контужено молодого красноармейца Дмитрия Реутского, и его вынесла с поля боя и выходила юная санитарка, «солдатская сестра» Сашенька Козымина. Так они познакомились, а потом и сблизился украинский хохлец, доброволец харьковского пролетарского полка и дочь сибирского ямщика, вольнослушательница медицинских курсов, тоже добровольно ушедшая на фронт защищать Советскую власть. Служили, воевали в одной полку, вместе вступили в полковую ячейку коммунистов. Был у них одинаковый стаж партийной, военной и супружеской жизни.

Менялись города и казармы. В армии все училось — учились и Реутские. Курсы, школы, академии... Не легко было Александру Андреевну работать политпросветником, растить сына и готовиться в вуз. Но она никогда и не искала легкой жизни. Эта маленькая женщина умела «держаться» строевой шаг, не отставая от мужа. Когда Дмитрий Александрович был принят в Академию имени Фрунзе, Александра Андреевна блестяще выдержала экзамен на юридический факультет.

...Направляясь в глазную больницу на первое свидание с мужем, Александр Андреевна только и думала о том, чтобы не омрачить это свидание безысходной скорбью об уже непоправимом горе.

— Сашенька, это ты? Дмитрий Александрович узнал жену, услышав ее шаги, а может быть, по другим, только ему знакомым приметам. Он встал с постели, поднял голову с вытекшими глазами и прислушался. На высоком лбу и впалых небритых щеках краснели еще не зарубцевавшиеся шрамы от множества осколков.

— Это ты, Сашенька, — мягко, но уже уверенно повторил он. — Подойди ко мне. Вот так...

У ПАМЯТНИКА А. П. ЧЕХОВА

На днях группа зарубежных деятелей движения в защиту мира присутствовала на Конференции советской общественности за разоружение, посетила подмосковный город Истру, где около времени жила и работала великий русский писатель Антон Павлович Чехов. В составе группы были представители Английского комитета защиты мира Гордон Шаффер, французский писатель Вильгельм Совет, Мира Жан Мадаль, американский писатель Альберт Хан с семьей. Вместе с ними были секретарь Всемирного Совета Мира профессор В. М. Чинадзе, член президиума Всемирного Совета Мира писатель И. Г. Эренбург, ответственный секретарь Советского комитета защиты мира М. И. Котов.

Перед памятником великому русскому писателю состоялся юбилейный митинг, в котором приняли участие представители общественности города Истры. К памятнику от имени Всемирного Совета Мира был возложен венок.

Она казалась ему такой, какой он помнил ее на перроне Павелецкого вокзала в день проводов на Сталинградский фронт. Строгое, темное платье с белым кружевным воротничком и, как всегда, гладко зачесанные назад волосы.

Александра Андреевна и теперь не плакала. И не потому, что, еще будучи «солдатской сестрой», привыкла видеть страшные утечи. Она не имела права на облегчающие душу слезы.

— Ты, Дима, немного похудел. Это от долгого лежания. Поправись. И чуть, совсем чутьчуть, посидел в висках. Ну, теперь мы уже не расстанемся. Как и раньше, на войне и в миру, всегда вдвоем...

Верность

Реутские приехали в Киев вскоре после его освобождения. В те дни в учреждениях принимали разных посетителей, главным образом, просителей. Люди нуждались в работе, в жилье, в лечении. Инвалид Реутский явился к первому секретарю райкома партии не просить, а предложить свою помощь.

— Я коммунист. Полковник и политработник. А потом уже пенсионер, инвалид и прочее. Идет война. Люди хотят знать о положении на фронтах, а я в этих делах человек сведущий. Могу выступить и с лекцией о международном положении.

Реутский ухитрился отобрать на слух главное из слов чтеца и диктора; теперь его память особенно бережно хранила знания, приобретенные в двух военных академиях. Пригодился и многолетний опыт преподавательской работы на курсах «Выстрел». Тысячи киевлян, невидимых Реутскому благодарных слушателей, создали ему заслуженную популярность одного из лучших в городе пропагандистов.

Секретарская работа сосредоточена в руках Александры Андреевны. Она ведет строгий учет лекций мужа, сопровождает его в аудитории, регламентирует время и читает записки. За 12 лет количество лекций Реутского перешло за тысячу, в среднем по 8—10 лекций в месяц. Слушатели разные: рабочие и студенты, солдаты и школьники... Только по категорическому настоянию врачей, потребовавших перерыва, Дмитрий Александрович последнее время не выступает. Но занятия с секретарем продолжаются, перерыв скоро кончится, и страстное слово пропагандиста Реутского опять зазвучит в народе.

Я был у Реутских в январе этого года после опубликования постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» после принятия Закона о новом значении сокращения Вооруженных Сил и сообщения ТАСС о новых успехах советской науки в овладении космосом. Дмитрий Александрович заговорил о том, какие возможности для пропаганды дают эти потрясающие документы, опубликованные за один месяц. Его, естественно, волнуют проблемы войны и мира.

— Нет, вы только подумайте! — воскликнул он. — Наш народ, веками вынужденный воевать и, чего таить, знающий толк в военном деле, идет на полное разоружение ради мира на земле, ради счастья всех людей. Мы готовы отказаться от всякого оружия, хотя располагаем самым мощным оружием. Все явственное проступают зримые черты будущего мира, а борьба идеологий занимает передовые плацдармы. И если ты пропагандист...

Он внезапно умолк, и я заметил, что это было вызвано вмешательством Александры Андреевны. Она ничего не сказала мужу, только пожала два пальца на его правой руке.

— Простите, я уже, оказывается, полчасика говорю, — извинился Дмитрий Александрович. — А ведь нам хочется вас послушать. Что нового появится в московских журналах? Над чем работают писатели? — Он назвал несколько имен.

— А меня интересуют Реутские, — попытался я уйти от разговора на литературные темы.

— Реутские! Обычная семья пенсионеров... Ну, давайте тогда поговорим о Ремарке. Был я недавно в библиотеке и узнал, что там очередь за Ремар-

ка. «Триумфальную арку» еще не читал. Но прежде его романы хорошо знаю. Талантлив... Непросто понять, почему у немца, пережившего горечь тяжелых поражений своих соотечественников в двух войнах, звучат определенные ноты. Но ведь не они привлекают читателя, как вы думаете? — Дать моде? — в свою очередь спросила Александра Андреевна.

Дмитрий Александрович встал. Высокий и стройный для своих лет старший, он свободно шагнул по комнате из угла в угол. Его волновало что-то серьезное, значительное, но слово «мода» застряло в разговоре, пугало, и мешало ему сосредоточиться.

Тут Александра Андреевна, кстати, рассказала, как недавно один весьма почтенный товарищ, «из дальних странствий возвратясь», собрал большую аудиторию слушателей, чтобы поведать им, будто «по части мод» мы отстали от Европы на три года.

— Ах, мы, бедняки! — Дмитрий Александрович даже руками всплеснул. — В модах отстали...

Александра Андреевна призналась, что на той злополучной лекции ей едва удалось сдержать мужа. Он тот был подлинно с места, чтобы сказать лектору то, что в сердцах высказал сейчас:

— Постыдитесь! Если вылезли за благородное дело пропаганды, то идите к людям с тем, что волнует их сердца, тревожит их умы. Можно, конечно, и о модах поговорить. Раз строгости, не надо увлечься от ответа. Модной бывает дамская шляпка из сезоля. И искусственно созданная мода на писателя — тоже явление временное. Только не подумайте, что я имею в виду Ремарка, он достаточно сложный писатель, чтобы не считаться модным...

Дмитрий Александрович Реутский Мой друг. Песня прорывается В твоей гвардейский круг.

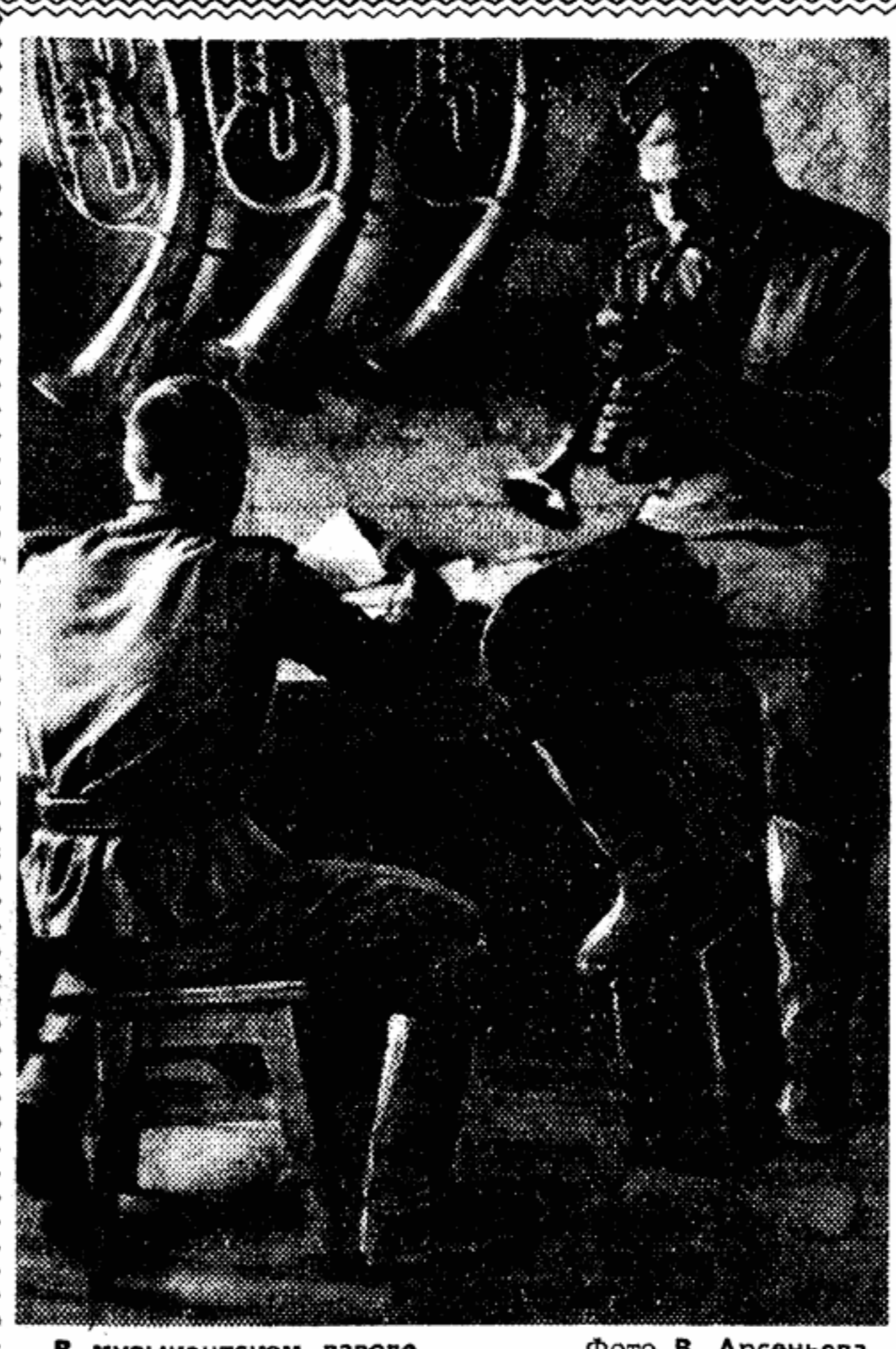
Эти и другие строчки из поэмы «Гвардии полковник» киевского поэта Якова Козловского написаны несколько подражательно. Я упоминаю об этом не в упрек автору. Когда думаешь о судьбе Реутских, невольно вспоминаются опозитизированная юность старшего поколения советского общества, дорога тех, кого «водила молодость в сабельный поход».

«Песня прорывается в твой гвардейский круг». Голоса этой песни слышались в письмах однополчан к Реутскому. Он еще лежал в московской больнице, когда пришла первая восточная с фронта. Премии командира 344-го полка, молодой офицер, Герой Советского Союза Коваленко писал: «Дмитрий Александрович, мы помним, как Вы, ослепший в бою, отдали приказ стоять насмерть, сражаться гвардейски. Мы этот приказ выполнили. Сейчас воюем далеко от Сталинграда, но Вы и тут — с нами. Вы — наш!»

Война давно кончилась, а переписка продолжается. Гвардейцы знают о послевоенной судьбе их командира и гордятся подвигом человека, который остался в строю. Пишет Реутскому бывший гвардии рядовой, сибиряк-строитель Космалюк. Пишет бывший «хозяин острова», ныне генерал-полковник, Герой Советского Союза Иван Ильич Людников... Для Реутского мир никогда не замкнется в четырех стенах знакомой лишь на ощупь комнаты.

Я убежден, что Реутские не обидятся на меня, если я сообщу их адрес: Киев, Пушкинская 8, кв. 154.

Пусть ширится поток писем в адрес этой чудесной четы.

В музыкантском взводе. Фото В. Арсеньева

Григорий ГЛАЗОВ ФРОНТОВИКИ НА ШКОЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ

От имени юности бывшей, начальною веюю ставшей, ни в чем нам не изменившей, покуда ни в чем не уставшей, мы просим:

— Уважьте не вальсом, — сыграйте окопные песни. Под мягким мальчишеским пальцем цыплячья нота, воскресни! У музыки есть это право, у музыки есть эта сила: мужичье, сидящее справа, морщину слезу оросило.

Как гудит, не правду ли, дети? — заикал мужик с орденями... Оставьте мелодию эти, что тенями всюду за нами. В них давние выстрелы вспыхив, в них ветер опасностей шальны... — Вы лучше танцуйте, мальчишки! Да здравствуют вальсы, покажу! г. Львов

Яков КОЗЛОВСКИЙ ДАВНО ЛИ ТО БЫЛО...

Давно ли то было, давно ли? Разрывы шага в двадцати. Дышит грешниное поле, И я еще мальчик почти.

Давно ли то было, давно ли? Лежу я на черном снегу, Теряю сознание от боли, И умереть не могу.

Давно ли то было, давно ли? Вздохнул по детскому солдат, Ему от сиротской их доли Подшага, а я не женат.

Мне легче. Иметь я право Вдвоем рисковать головой. Варшава! Пред нами Варшава! И я за границей впервые.

И юной любви давно ли Шептал о любви не стихи? Девочка в холодном костеле Мое замолкло грехи.

Испытанный мукой безбожной, Пагаю я, добрый и злой, Осыпанный пылью дорожной, Майданека белой золой.

Счастливая доля гвардейца Встать первым и бреститься в бой, А после с шахтером Уэльса На карточке сниться одной.

Стою пред рейхстагом с бойцами, Под флагом родимым стою, Вино попилом со слезами Во славу Отечества пью...

ОТ КОМИТЕТА ПО ЛЕНИНСКИМ ПРЕМИЯМ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства сообщает, что из всех работ, представленных на соискание Ленинских премий 1960 года, после их рассмотрения секциями и пленумом Комитета отобраны для дальнейшего обсуждения следующие кандидатуры:

В области литературы

1. Аджубей А. И., Грибачев Н. М., Жуков Г. А., Ильичев Л. Ф., Лебедев В. С., Литовко Е. В., Матвеев В. А., Орлов В. И., Сапунов П. А., Трояновский О. А., Шевченко А. С., Шуйский Г. Т. «Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США». Представлена Московским городским отделением Союза журналистов СССР.
2. Полевой В. Н. «Глубокий тыл», роман. Представлена редколлегией журнала «Знамя».
3. Рашидов Ш. Р. «Сильнее бури», роман. Представлена Союзом писателей Узбекистана, Среднеазиатским государственным университетом имени В. И. Ленина.
4. Рыльский М. Ф. «Розы и виноград». «Далекое небосклон», сборники стихов. Представлена Союзом писателей Украины, Институтом литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР, Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук Украинской ССР, Львовским университетом, Одесским педагогическим институтом имени К. Д. Ушинского.
5. Турсун-заде Мирзо. «Голос Азии», книга стихов и поэм; «Хран арбакеш», поэма. Представлена Союзом писателей Таджикистана, редколлегией журнала «Шарки Сурх».
6. Шолохов М. А. «Поднятая целина», роман, 1-я и 2-я книги. Представлена президиумом Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства, редколлегией газеты «Правда», редколлегией журнала «Нева».
7. Якуб Колас. «На росстанях», трилогия. Представлена Союзом писателей Белоруссии.

В области музыки и концертно-исполнительской деятельности

1. Жиганов Н. Г. «Джалляль» опера. Представлена Татарским областным комитетом КПСС, Союзом композиторов СССР, Министерством культуры РСФСР, Министерством культуры Татарии АССР, Союзом композиторов Татарии, Татарским государственным театром оперы и балета имени М. Джалиля.
2. Карев К. А. «Тропой грома», балет. Представлена Союзом композиторов СССР, Министерством культуры РСФСР.
3. Лятошинский Б. Н. Третья симфония. Представлена Союзом композиторов Украины, Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук Украинской ССР, Государственным оркестром Украинской ССР.
4. Ойстрах Д. Ф. Исполнение новых концертных программ в 1958—1959 гг., включающих лучшие произведения советской и классической музыки. Представлена Московской государственной филармонией.
5. Свиридов Г. В. «Патетическая оратория»; «Памяти Сергея Есенина», вокально-симфоническая поэма; «Вокальный цикл на стихи Р. Бернса». Представлена Министерством культуры СССР, Союзом композиторов СССР, Министерством культуры РСФСР, Московской государственной филармонией.

В области изобразительных искусств

1. Вучетич Е. В. Скульптура «Перекресток мечи на орала». Представлена Академией художеств СССР, Министерством культуры РСФСР.
2. Мансуров Г., Солнцев М. — мастера росписи, Надворнов З., Раджабов Р., Фалзов О. — мастера резьбы. Художественное оформление (роспись и резьба) Дворца культуры колхоза имени Москвы Ленинградского района. Представлена Министерством культуры Таджикской ССР, Союзом художников Таджикской ССР, Союзом архитекторов Таджикской ССР.
3. Сарьян М. С. Цикл картин «Моя родина»: «Армения», «Колхоз села Карндж в горах Тумаянана», «Сбор хлопка в Араратской долине», «Лалвар», «Арагатская долина из Двина», «Арагат из Двина», «Бюракан». Представлена Министерством культуры Армянской ССР, Союзом художников Армянской ССР.

В области театрального искусства и кинематографии

1. Аджемян В. М. — режиссер, Малля Д. М., Нерсисян В. П. — исполнители ролей. Спектакль «Хаос» в Армянском государственном драматическом театре имени Г. Сундукяна.
2. Бондарчук С. Ф. — режиссер и исполнитель роли Соколова, Моныхов В. В. — оператор. Художественный фильм «Судьба человека» производства киностудии «Мосфильм».
3. Кармен Р. Л. — режиссер. Цветные документальные фильмы «Повесть о нефтяниках Каспия», «Покорители моря» производства киностудии «Азербайджанфильм» и Центральной студии документальных фильмов.

Для широкого ознакомления советской общественности с работами, выдвинутыми на соискание премий, Государственный комитет по радиовещанию и телевидению организует цикл передач по радио и по телевизионным центрам. Показ выдвинутых работ осуществляется в театрах, кинотеатрах, концертных залах, в Государственной Третьяковской галерее.

Большой и ценной помощью Комитету при присуждении Ленинских премий 1960 года является своевременное актив-

ное обсуждение представленных работ органами советской печати и широкой общественности. Комитет будет благодарен творческим и общественным организациям, учреждениям культуры и всем трудящимся, если они примут участие в обсуждении кандидатур, выдвинутых на соискание Ленинских премий, и выскажут свои отзывы, предложения и замечания на страницах печати либо в письмах в адрес Комитета (Москва, К-9, проезд Художественного театра, дом 3-а) до 31 марта т. г.

В номерах 1 и 2 журнала «Визма» опубликован новый роман Олега Гончара «Человек и оружие».

Летом 1941 года харьковские студенты добровольно уходили на фронт. Среди них становились участниками кровопролитных боев на подступах к Днепру.

Герои романа — Богдан Колосовский, Мирон Духнович, Андрей Степура — люди одного с автором поколения. Суровые испытания выпали на их долю, трагически сложились судьбы некоторых из них, но все устремления, мечты и все жизненные героизмы направлены на то, чтобы обеспечить победу всегда было извлечено от войны.

Мы помещаем отрывки из романа О. Гончара «Человек и оружие».

Война давно кончилась, а переписка продолжается. Гвардейцы знают о послевоенной судьбе их командира и гордятся подвигом человека, который остался в строю. Пишет Реутскому бывший гвардии рядовой, сибиряк-строитель Космалюк. Пишет бывший «хозяин острова», ныне генерал-полковник, Герой Советского Союза Иван Ильич Людников... Для Реутского мир никогда не замкнется в четырех стенах знакомой лишь на ощупь комнаты.

Я убежден, что Реутские не обидятся на меня, если я сообщу их адрес: Киев, Пушкинская 8, кв. 154.

Пусть ширится поток писем в адрес этой чудесной четы.

У БОГДАНА перехватило дух, когда впервые свернула родная река... Днепр! Сияная река его детства, вот он уже увидел в глаза голубиную, могучим разливом удара, забелел кружевами пенны... И огромная — через всю реку — бетонная гребенка бьется, и крапы над плотинной, и похороший на скалозвонный дворец дам электростанции на правом берегу, облицованный темно-розовым армянским туфом. — все это вместе с гранитом берегов, с лазурью воды, с зелеными холмами Хортицы, с высоким, tutto натянutos куполом небеса сливается в одно целое, встает, как огромное гармоничное произведение, начатое природой и завершенное человеком. Сила и гармония. Свет и чистота. Кажется, ни одна пылинка никогда не касалась этого сооружения. Все сверкает новизной и какой-то удивительной праздничностью. Кажется, этот кусок солнечной действительности взят откуда-то из будущего, как образец того, что настанет когда-то на земле.

Бойцы шагают через плотину, измученные, с мокрыми спинами, нагруженные оружием, запаленные боем. — Гляньте, сколько рыбы! — кричит кто-то на ходу. Всюду, в пронизанных солнцем глубинах, как тени затанцовали торпеды, темнеют рыбаки спины. Рыба стоит большими табунами под плотинной в чистой прозрачной воде, почти уткнувшись в бетон. Вверх, дальше, и плывть некуда.

Ослепительный Днепр раскинулся широко, и над его поверхностью то тут, то там выпирают из воды знакомые Богдану с детства камни. Красноватые, будто поджаренные, прокладные на солнце. Вот скала Любим... Два брата... Скала Дурная, на которой, по преданию, запорожцы дубинами вывалили когда-то дурь из тех, кто провинился... Не раз купался там Богдан, прыгая со скалы в ласковую днесп

розовую воду... Сейчас на камнях, как и в годы его детства, сидят размеренные солнечные белые утки, они глядят на плотину, на пробегающих бойцов, на курсанта Колосовского, глядят и словно бы спрашивают: «Куда это вы? Что случилось? Почему вы все в такой тревоге?»

За скалами, за утками, словно в объятиях Днепра, — зеленая Хортица, славный остров наций. Буные сады по всему острову, над ними семидесятиметровые, самые высокие во всей округе, мажты. Где-то там есть железнодорожный полустакан Сеть, — на том полуострове Богдан Колосовский садился на поезд, впервые покидая родной город, отправляясь в широкий мир...

На правом берегу в конце плотины какой-то контрольный пост, там сдерживают натиск беженцев военные в зеленых фуражках. Пограничники! Почему они тут? Неужели уже здесь граница? Суровые, замкнутые лица... Глаза неумолимы. Задерживают, проверяют всех: не беглец ли, не панкер ли? Кого — пропустят, кого — в сторону. Вот задержали какого-то длинноногого всадника, сидящего на коне без седла: — Слазь! Ругается, кричит этот военный с внушительными знаками различия в петлицах, но на пограничника его гнев не производит решительно никакого впечатления — схватили, стапидили. Нет теперь для этих людей ни чинов, ни знаков различия, — есть только Днепргозгэ за спиной. Днепргозгэ, который нужно защищать.

Высоченные осокори склонились над озером Ленина. Здесь темень от жары. И пока командиры высматривают обстановку, подразделения пополнечес могут малость передохнуть. Навалившись грудью на бетонированные парапеты, бойцы все глядят и глядят на полноводное

озеро Ленина, на Днепргозгэ, о котором так много слышали.

Я не думаю, что это так захватывает, — не отрывая глаз от Днепргозгэ, говорит Степура товарищам. — Какая махина! Гордость нашего века, — говорит Духнович. — Помните, как было сказано в Египте: «Солдаты, с этих пирамид на вас смотрят сорок веков...». Здесь на нас смотрит одна пятилетка, но зато какая пятилетка! — И нигде ни карапники, — заметил кто-то из бойцов. — Видать, немец еще ни разу его не бомбил?

— Бомбил, да не попал, — бросил один из местных ополченцев, проходивший мимо. — Целился в плотину, а попал в скалу. «Неужели для бомб? — думает Богдан. — А как вдохновенно все это строилось, возводили миллионы трудовых рук! На целые столетия мировой жизни было рассчитано...»

— Будь ты варвар из варваров, но неужели заманулся бы на эту такую красу! — говорит Степура. — Забросать бомбами? Вот это?

«При мне тут укладывали первый бетон», — думает Колосовский, и мысль его уже уносит в прошлое, в те времена, когда не только днем, но и ночью, при свете прожекторов здесь шумели авралы, трудовые штурмы, когда заводские коллективы со знаменами шли к котловану, спасая плотину от весенних паводков. Выплывают знакомые лица, слышатся далекие голоса...

«Вы, проектировавшие Днепргозгэ, вы, месьившие тут бетон. Девчата-бетонщицы, грабери, монтажники, инженеры-энергетики, люди в резиновых сапогах, в комбинезонах, люди, которые работали тут днями и ночами, — вас хотя и уничтожит одним ударом, хотя бросит под ноги войны ваш труд, ваш навеки сценментированный здесь пафос, энергию вашу, любовь...»

Резкие слова команды спугнули Богдановы думы. Идут и металл вокруг. Идут мимо черного железного леса трансформаторов, сквозь утопающие в садах поселки — на голые, опаленные солнцем высоты правого берега. Где-то между Новым Кичасом и Великим Лутом, на холмах будет проходить их оборона. Подымаются все выше, удаляясь от Днепра, и лица их обжигает горячий ветер южной августовской степи.

Вот они уже там, высоко над Днепром, Остаюновыми на самом солончаке, придатленные тяжелыми горячими касками и небом, таким же тяжелым и горячим. Открытое поле, бурля да кустарники, — Окнопаться! Достали саперные лопатки, отложили оружие, и началась солдатская землекопная рабо-

ЖИЗНЬ ПРОТИВ СМЕРТИ

ПЕРЕДО МНОЙ две книги. Одна — «Воспоминания солдата», обмечтая, в мрачной обложке, издана в ФРГ. Ее автор — генерал вермахта Гейнц Гудериан. Другая книга вышла недавно в Москве и принадлежит перу Маршала Советского Союза А. И. Еременко. С оружием в руках вели между собой спор авторы этих книг на полях сражений минувшей войны. Казалось бы, спор окончен. В прах повергнут вермахт, навсегда пригвождены к позорному столбу его главари. Но нет, спор гудерианов — апологетов войны и смерти — с поборниками мира и жизни продолжается!

В обеих книгах говорится о минувшей войне, обе они адресованы людям сегодняшнего дня. Авторы их — люди разных миров. Гудериан — наследственный милитарист, его отец был кайзеровским офицером. Карьеризм, тщеславие, служение золотому тельцу были главными «пружинами» в деятельности Гудериана. И в книге он остался до конца верен своим «идеалам», изо всех сил стремится доказать, что «коммунизм» может быть отнесен и отброшен. В заключительных книгах, обращаясь «к своим старым солдатам», Гудериан восклицает: «Воспряньте духом, выше голову, как некогда на параде... Вы не должны стыдиться своих деланий». Издаваясь над историей, раздувая «победы» вермахта и свои собственные, он тщится доказать, что Россия была бы побеждена, если бы Гитлера поддерживал весь «свободный мир».

Советский полководец взялся за перо, стремясь показать деяния народа, неотъемлемой частью которого является он сам. Он повествует о той тяжелой поре, когда бронированные клинья мощных группировок врага безжалостно врелись в живую плоть нашей Родины. Одно желание обуревало тогда наших людей — сделать все, чтобы разбить врага. Автор книги был одним из многих, кто посвятил этой цели и силы свои, и волю, и разум.

Одной из первых встреч танковых войск Гудериана с войсками, руководимыми Еременко, было Смоленское сражение. Гудериан весьма кратко описывает этот бой: «16 июля 29-я мотодивизия овладела Смоленском. Таким образом, она первой достигла поставленной перед ней оперативной цели». А фактически, как неопровержимо показывает Еременко, с захвата 16 июля южной части города борьба за Смоленск вступила в решающую фазу и продолжалась с переменным успехом еще почти целый месяц. Гитлеровцы предположили устроить здесь новые Канны, но планы их потерпели провал. В книге Еременко справедливо указывается: «В этих боях были заложены основы разгрома немцев под Москвой». Мы выдержали

А. И. Еременко. «На западном направлении». Воениздат, 1959.

ЧИТАТЕЛИ — О ГАЗЕТЕ

СЛОВО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОДНОГО СЕЛА

Метельный вечер. Завывает вьюга. Полежка мигот замает следы. В такой вот вечер собрались недавно педагоги, врачи, агрономы, учащиеся села Ижевского Рязанской области, чтобы послушать сообщение о работе «Литературной газеты» и высказать свои впечатления.

За районного Дома культуры записан до отказа. Свыше двухсот человек пришли сюда, на конференцию читателей. Председательствовал заведующий отделом пропаганды и агитации райкома КПСС А. Демускин. С докладом выступил член редколлегии «Литературной газеты» Г. Гуан. Собравшиеся интересовались выступлениями газеты по вопросам литературы, сельского хозяйства, промышленности, международной жизни. Живой интерес проявляли они к плану на ближайшее будущее.

Возлюбованно говорили о родном районе преподаватель средней школы Д. Ильичев, принимая газету больше уделять внимания сельской интеллигенции отдаленных районов. Заведующая библиотекой А. Калаева выразила пожелание, чтобы чаще появлялись рецензии на новые книги о нашей современности.

пласты свежего сала, которое так и тает на солнце; снимают его с кузовов, расстилают перед бойцами, как белые медвежьи шкуры: — Делите.

Хлеб — белый, как сало; сало — в ладонь толчиной; а воды мало, не хватает. Весь Днепр выпили бы, будь он поближе!

Те, кого послали на реку, приносили воду кто в чем: в ведрах, котелках, баклагах, а Степура зачерпнул днепровской водички прямою каской. Позвал Богдана, Духновича, и они, собравшись возле его окопа, пили из каски вволю.

Это была вкуснейшая в мире вода. Теплая, мягкая, сладкая, она пахла летним синим Днепром; Богдан пил, и не верилось ему, что когда-нибудь они уже не смогут пить ее, и только в воспаленных жаждой воспоминаниях будет жить для них ее пресный, сладкий, ни с чем не сравнимый вкус!

ВОЗЛЕ степурино окопа — головатый чертополох, татарник, цепкий дикий цикорий, а рядом с ними собачья роза цветет. Под колочками, в полевых, раскинувшись, спят Духнович и Колосовский, и пот течет с них грязными ручейками. В ногах у ребят степурина каска — воды в ней уже нет, выпили.

Степура грузно сидит у окопа, курит. Колочник, синие косарики да собачья роза — все это друзья его детства. Будто оттуда, с берегов Ворсклы, пришли и стали вот тут, на запорожских холмах. А ниже — стелется, цепко держится за сухую землю «собачье мыло». Летом, бывало, побегашь по ранним холодным росам за коровкой, и ноги твои покрываются цыпками, струпами, а мать заставляет хоть немного отмыть ноги и воскресенье, — и ничем ты их уже не возьмешь, кроме этого вот цепкого и шершавого, как наждак, «собачьего мыла». Трешь ни бедную ногу, пока кожу не сдерешь... Все это было так давно, будто и вовсе не было. Меняется все, и сам он изменился, вырос, только образ матери неизменен — встает она сейчас перед ним такой, какой была для него в детстве, какой была все эти годы. Проводила мужа и сыновей на фронт, и одна теперь дома, только тем и живет, видно, что ждет от них весточки. Бывало, каждый год, когда он, Степура, придет на нанульки, для нее — праздник. Тогда только и заботы у матери, чтобы он получил посыл, побольше посыл, чтобы набрался сил для на уки. Никак только не могла понять, почему он рвется к той же работе, что и брат его комбайнер. А в душе гордилась, что рослого ее студента, загоревшего на солнце, колхозники все лето видят то на току, то у штурвала комбайна. И вот вместе золотого лета с мирным стрекотанием комбайнов в горячем степном мареве бросила Степура судьба в другое лето — лето черных пожаров! Свалилось горе

(Окончание на 1-й стр.)

«Мыслящий разум (ум) заостряется притупиéndose различные различные, до простейшего различия, до противоположности. Лишь подняты на вершину противоречия, разнообразия становится подвижным (гегам) и живым по отношению одного к другому, — приобретает внутреннюю пульсацию самодвижения и жизнеспособности».

Мне кажется, что эта мысль проливает свет не только на научную методологию, но и на природу искусства, в частности искусства драматического. Если драматург хочет выявить существующий в жизни конфликт, то он должен поднять сталкивающиеся в нем силы на вершину противоречия, довести разнообразие вступающих в борьбу сил до сущностного различия, до противоположности.

Между тем этого-то и недостает большинству наших драматических произведений. Очень часто мы встречаемся с героями, один из которых положительный, единомысленный автора, легко, без какой бы то ни было опасности для себя, справляется с другим, отрицательным, позиция которого заведомо обречена на провал. При этом всегда приговаривают оба героя, ибо так уж устроена драма, что хороший человек в ней может заинтересовать, взволновать нас, если победа дается ему нелегко. Если же противник не угрожает ему ничем, если герой спокойно и гладко идет к победному финалу, то такой человек в драме не может быть положительным героем. Неравная борьба уверенного в своей победе, подержанного всеми силами общества героя над слабым противником лишена самого главного для искусства драмы — драматизма. А что такое отсутствие драматизма? Это значит, что зритель не взволнован, что его ум и сердце не задерживаются за живое, что нет в его душе непосредственного, внутреннего отзвука на происходящие на сцене события. Если же этого нет, то драма, о каких бы важных фактах она ни рассказывала, какие бы верные идеи ни провозглашала, не выполняет своей роли, как орудия художественного. Это значит, говоря резко, что писатель и театр тешат себя мыслью о важности темы и идеи спектакля, но не оставляют следа в сознании зрителя.

ПОЧЕМУ же в нашей драматургии борющиеся силы не поднимаются на вершину противоречия, конфликт не представляет собою решительной, обоюдной, полной смысла и содержания борьбы? Мне кажется, дело здесь в том, что искусство неправомерно уподобляется жизни, правда действительности отождествляется с художественной правдой.

Можно ли, скажем, написать драму о замечательном почине Валентины Гагановой? Конечно! Но — по-разному. Может появиться пьеса, где будет рассказано, как молодая передовая работница, видя, что соседняя бригада отстаёт, решила во имя идейной преданности коммунизму возглавить такую бригаду, хотя это и трудно, и материально невыгодно. Наверное, она не раз подумает о своем решении, посоветуется с друзьями; быть может, кто-либо из действующих лиц даже возразит ей. Но героиня совершит свой благородный поступок. Возможна подобная пьеса? Вполне. И, надо думать, скоро появится. И она будет, по видимости, правдива, ибо примерно так и было на самом деле. Вспомним, как скромно рассказала о своем поступке Гаганова на Пленуме ЦК КПСС. Однако откроет ли нам подобная пьеса самое существо зарождения коммунистической психологии и взволнует ли она нас, знающих о гагановском движении в жизни? Вряд ли. Она останется лишь сценической иллюстрацией жизненного факта.

Но возможна и другая пьеса, настоящая драма. Для того, чтобы написать ее — необходимо подняться на вершину противоречия.

Валентина Гаганова не встретила на своем пути серьезных препятствий, напротив, она встретила поддержку в Вышнем Волочке, и поступок ее признан и провозглашен благородным примером первым секретарем ЦК партии. Но ведь есть в нашем обществе явления, глубоко чуждые психологии Гагановой и ее многочисленных последователей. Живут еще корысть, зависть, забота о собственном благополучии как главный стимул в жизни. И если бы драматург svel

М. ШУМИЛОВ, генерал-полковник

ДРАМА И СОВРЕМЕННОСТЬ

эти силы в настоящей, острой борьбе, если бы эти силы нашли выражение в живых индивидуальных характерах, — такая пьеса была бы художественным постижением современности и, наверняка, заронила бы в сознание зрителей коммунистические чувства.

Возможно возражение: помилуйте, какие испытания предстоят героине — в нашей жизни открыта дорога каждому новатору. Попробовал бы кто-нибудь последовать Гаганову, — такого бы сразу осудили. Но, во-первых, мы знаем, что на пути новаторов нередко встают косные силы в разных своих обликах, а во-вторых, драма — не копия жизни, а во-вторых, драма — не копия жизни, и не тождественности с действительностью ждем мы в театре. Право же, если бы на пути драматической героини, прототипом которой стала Гаганова, мы увидели серьезные препятствия, никто из зрителей не подверг бы сомнению морально-политическое единство народа, силу и влияние Коммунистической партии. Если бы зрители поверили в искренность такой героини, подобились ей, взволновались ее судьбой — они, наверняка, заново, сердцем почувствовали бы красоту коммунистической морали и активно откликнулись бы мораль индивидуализма. Разве такой моральный результат искусства не выше в сто раз равнодушного соглашения с тем, что эта сценическая иллюстрация в общем верно рассказала о ранне известном нам явлении жизни?

Можно привести немало примеров, когда критики или работники органов культуры не соглашались с олицетворением зла в крупных драматических образах по той причине, что такие образы якобы заставляли думать, что страна наша плотно населена подобными людьми. И это опять-таки идет от неправомоглого представления о драме, как иллюстрации жизни.

А драма — не иллюстрация. Драма — художественное выражение духовной жизни людей, открывающейся в конкретном столкновении противоположных сил.

Высшее призвание современной драмы — раскрыть во всей красоте и силе характер героя поры строительства коммунизма, и этого можно добиться в том случае, если герой вступит в борьбу с сильным противником.

Впрочем, не только в этом случае. Есть сфера жизни, где драматизм заключен не в борьбе объективно-враждебных сил, но в столкновении людей одной морали, одной идеологии: сфера личных отношений людей. И не надо считать это «мелкой темой», не надо думать, что драма неразделенной люб-

ви или поправной дружбы не помогает в становлении коммунистического сознания людей, что она удалена от проблемы общественной жизни. Особенно в драматическом искусстве. Вспомним всю мировую драматургию — редко встретишь пьесу, где высокие общественные идеалы не были бы выражены в неразрывной связи с личной жизнью героев.

Разумеется, в искусстве личная жизнь людей нашего времени становится драматичной лишь тогда, когда художник, раскрывая драму человека, не изолирует ее от мира, от современности, не упускает несчастий и неустойчивости людей. Такие произведения есть в театре и в кино, и против них надо решительно возражать, ибо это худший вид обывательски-сентиментальной литературы.

Когда же художник по-настоящему правдив, когда его искусство олицетворяет идеалом современности, то в личной драме человека он выражает существенные стороны жизни. Почему? Да потому, что и в этой сфере человеческой жизни открываются высокие чувства людей, выросших в социалистическом обществе.

Советский художник любит современника в его радостях и в его горе. Вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что при нашем справедливом строе нет и не может быть тяжелых утрат, неразделенных чувств, несчастий.

Вспомним Маркса. Говоря о возвращающей силе денег в социалистическом мире, о том, что деньги «принуждают к поцелуюту, что противоречит друг другу», он писал: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д... Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье».

Справедливость нашего строя и в том, что судьба каждого человека — светлые чувства, доброты, дружбы, любви — почему высокая, правдивая драма горя или несчастья закаляет душу, вызывает благородные и светлые чувства.

Валентина, героиня «Иркутской истории» А. Арбузова, пережила тяжелую драму: погубил прекрасный, светлый человек, открывший ей смысл жизни и счастье истинной любви, отец ее детей. Но разве это ни с чем не сравнимое го-

ре придавило ее, повергло в безысходность? Нет, любовь духовно выпрямила Валу, а когда Сергей погиб, то мера его жизни и любви стала для нее мерой всех вещей. Разве это не подлинный оптимизм!

Существует неверная, обидная для зрителя боязнь закончить спектакль грустной нотой. Отсюда идут стандартные финалы-апофеозы за праздничным столом. Отсюда даже пьесы, в самой сердцевине которых человеческое горе, завершается мажорными аккордами. Так, в пьесе «Одна» на вахтанговской сцене героиня, потерявшая любимого человека, друга, под занавес излагает бодрые мысли о радости труда. Но ведь наивно предполагать, что декларативный и искусственный финал может вселить в зрителя искомую радость после того, как в течение трех часов на сцене разыгрывалась драма покинутой женщины... А главное — зачем? Наверное, для того, чтобы зритель, не дай бог, не ушел из театра в грустном настроении. Здесь-то, однако, и сказывается недоброе к зрителю, к его историческому оптимизму.

Утверждение красоты и справедливости нашей жизни — большая, благородная задача советского искусства. Но в разных видах искусства эта задача решается разными художественными средствами. У драмы своей возможностью открыть душевному зрителю и историческую силу современника. Следующим законом драмы, сделали эти авторы лучших, недавно появившихся пьес.

Тридцать с лишком лет отделяют нас от времени действия «Третьей палаты» Н. Погодина, но она не воспринимается только как историческая драма.

В гигантском труде мысли, в преодолении важнейших препятствий раскрываются громадного исторического масштаба воля вождя и большое, открытое людям сердце — эти Ленинские черты, заветные потомкам. Погибает большой ученый и большой человек, академик Дронов, прекрасно, очень по-разному сыгранный В. Орловым и Н. Черкасовым в пьесе С. Алешина «Все остается людям», но мы унесли со спектакля светлый образ современника, для которого идеал и практическое дело едины.

Герои этих и других лучших произведений открылись нам в своей духовной красоте потому, что они прошли через тяжелые испытания и духовно, морально победили. Их победа и есть драматическое утверждение прекрасного в нашей жизни. А чтобы не подумали, что лишь гибель героя приносит драматический результат, напомним еще одну пьесу — «В поисках радости» В. Розова. Вся жизнь впереди у юного Олега, но он уже врезался в нашу память, как человек советского общества, с молоком матери впитавший моральную чистоту и враждебность к мешанинству. Не знаю, как кому, но мне кажется, что детский друг Олега, рвущего отцовской слабостью, доброту, любовь, это сцена большого драматического символа, большого нравственного и очень современного содержания.

В драматургии — разные жанры и, конечно, по-разному утверждаются в них красота нашей жизни. Есть веселая комедия, есть водевиль, от которых не надо требовать драматизма. Но и они подчиняются закону драматического искусства, и в них порадоваться красоте жизни, утвердить ее положительные начала можно только через человека, вступившего в конфликт, пусть комедийный, но конфликт.

Когда же драму подменяют одой, а комедию — шуточной песенкой, театр молчит, ибо перед ним закрывают его путь к человеческому сердцу.

Как и всякое искусство, драму надо проверять жизнью. Но не сопоставлением двух картин — жизненной и сценической, не поисками между ними тождества. Драма верна жизни тогда, когда она верно выражает существенные стороны духовной жизни современника. Современная драма служит делу партии и народа, делу коммунизма лишь в том смысле, если своими образами и мыслями она возбудила мысль и заставила сильнее биться сердце зрителя. Если же зритель спокоен, если герои на сцене не заделали его собственного опыта, — какой бы важной и современной теме ни была посвящена драма, — она стреляет мимо цели.

КЛУБ АВТОРА И ПОКУПАТЕЛЯ

Он существует в Киеве с декабря прошлого года. Собственно говоря, клуба в обычном понимании этого слова нет. Но если вы зайдете в первое воскресенье любого месяца в книжный магазин № 9, вы сразу поймете, что это такое — клуб автора и покупателя.

Сюда приходят поэты, прозаики, критики — авторы только что вышедших книг. Бывают и руководители издательства. Идет разговор о новых книгах. Обычно начинаются они сами писатели. Потом в разговор включаются посетители магазина, продавец книг. Слово предоставляется каждому желающему — в конечном итоге «заседание» клуба превращается в своеобразный диспут. Затем происходит то, чем всегда заканчиваются встречи читателей и писателей: первые — покупают книги, вторые — пишут автографы. Такого уж традиция...

Идея создания такого клуба родилась из заседания местного комитета Союза писателей Украины. Эту новую форму пропаганды литературы горячо поддержали работники книжной торговли. А как относиться к этому читателям, можно судить по тому, что каждое новое собрание клуба привлекает все больше и больше людей. На снимке: писательство Петро Панч подписывает свою книгу работнику Киевского дома пионеров Е. Немаканской. КИЕВ. (Наш корресп.)

Фото М. Трахмана

ли, что их пересыпают на Хортицу, потому что дошли слухи, будто остров уже захвачен вражеским десантом, и слышно было, как там все время гремел бой. И все-таки их повели, кажется, не на Хортицу.

Идут солдаты через поселки правого берега, где все утопает в садах, только крыши домов поблескивают в полуденном свете красной черепицы. Бредут, напружинен, не придерживаясь дорог, и трещат под их ногами поваленные заборы, палисадники, цветники, разбитые рабочими руками кусты винограда с тяжелыми холодными гроздьями, с лепчатыми листьями, покрытыми росой. Иногда ненадолго приходится останавливаться в садах. Командир роты, старший лейтенант Лукьянов, подывая Колосовского, начинает советовать с ним, развернув карту, а Богдану стыдно оттого, что он не узнает этих мест. Чувствует, что они знакомы ему, но не узнает. То ли потому, что так разрослись запорожские сады за последние годы и родились новые поселки, и многое уже тут не похоже на прежде, то ли потому, что летняя ночь все сместила, изменила, перепутала. И роса, и блеск яблок в листьях, и запах ночных цветов — все кажется каким-то полужантасическим, тревожным, болью отдается в душе.

Пока командир с Богданом сверяют с картой местность, Степура стоит меж деревьев и слушает, как сочно хрустят яблоки на солдатских зубах. — А в ночном неба гудят самолеты. Тревожно гудят, нависают бомбами над землей, землей росных садов и электростанций, новых рабочих поселков, а земля эта может зашуметь от страшных бомбовых ударов лишь открытой своей красотой, яблоками, сверкающими в ветвях, нежными запахами лука, лука, лука. — Красота против войны, — думает Степура, — нет, этого мало. Тут нужны бесощадность, неутолимая жажда истребить врага... Нужны стальные дожди-ураганы, которые прикроют, защитят и отстоят все это».

Ночь светлая, высокая. Насторожилась садами недвижными, бесшумными, словно прислушивается к чему-то... Для песен девиц, для полетуев влюбленных была рождена эта тихая, оборотливый приднепровская ночь. Не слышно сейчас песен, война хозяйничает в садах... Кто-то тряхнул поблизости ветку, и яблоки падают на землю, как ядра. А Степура не рвет, он почему-то боится сорвать, только стоит и смотрит на облитое лунным светом дерево, которое сверкает над ним плодами.

— Рвите, — слышит он возле себя тихий и добрый голос. — Чего ж вы не рвете? Это учитель Голобородько.

— Или вот, прошу, возьмите мое. Достав из-за паузы яблоко, он подает Степуре, и тот, прежде чем надкусить, нюхает

его. Яблоко пахнет всеми садами этого края, всей солнечной жизнью, мирной, доводной... — Как обесценился человеческий труд! — с горечью говорит учитель. — Что мы делаем с этими садами... Знаете, тут каждый рабочий еще и садовник, и виноградарь, и цветовод.

— У меня отец тоже садовник, огородник. — Я слышал, что вы — поэт? Это правда? Когда я учился в Киевском университете, были у меня друзья, чудесные молодые поэты Игнат и Леонид... — И после паузы: — Сколько наших Шекспиров и Чеховых мы потеряем в это лихое, изобретатель, талантов народных... Конечно, кому же хочется умирать, каждому хочется жить, но уж если и жить, так только по-нашему, ведь так? А не для того, чтобы быть у них рабом! Вы слышали, какую они комедию разыграли в Ровно?

— Нет.

— Привезли в своем обозе какого-то Вышыванного, куклу, марионетку, предателя и проходивца, претендующего на пост гетмана... — Знаем цену таким штукам. Разве не видно, что делает фашизм с чехами и другими народами Европы. То же самое, а может, еще и похуже, несет он и нам.

И снова они шагают. Двери домов распахнуты настежь, суется, плач. В руках у людей узлы. Вот какая-то туча повисает над бойцами, вдруг заслонив собой луну. Это дуб, ветвистый, мощный. Раскинувшись он мучей кроной во все стороны так, что, кажется, несколько взводов бойцов могло бы укрыться под ним от дождя или от солнышка.

— Это казачий дуб, — объясняет учитель Степуре. — Ему больше семисот лет. Мы еще этой весной были тут на экскурсии со школьниками. Когда-то Тарас Григорьевич в тени этого дуба отдыхал. А сколько молодежи приходило сюда по праздникам... Даже колхозные собрания летом проводили не в клубе, а под этим дубом.

Стоит великан, не шелохнется. Столетия высится над ним, слышал он голос бива далекий, слышал гомон Сечи, звал сабей казаки. Из века в век все шумело на ветру, все тынялось упрямо вверх, разрасталось.

Бойцы из-под касок поглядывают на дерево. Сила, мощь. Такого никаким бурям не сломить, такому и молнии не страшны.

И снова идут дальше, летя по поселку, путаясь в виноградных лозах, скользя и спотыкаясь о твердые ядра яблок, упавших на землю.

Вдур над садами трепетно вспыхнула ракета, одна, другая. Послышалась отдаленная стрельба.

Перебегая через дорогу, бойцы встретили группу каних-то гражданских, они оказались работниками местного района партии. С ними — командир истребительного батальона.

— Враг близко, — предупредил он. — Немские танки только что обстреляли грузовик с нашими разведчиками. Они ехали по Днепровской дороге. Грузовик разбил снарядом, а часть людей вернулась.

Теперь вдоль садов стали торопливо занимать оборону. Степура упол на землю, начал рыть чейку, разрубая саперной лопатой мускулистые яблоневые корни. Он слышит, как больно корням от каждого удара. Еще не успели окопаться, как их поднимают и бегом ведут в другое место, здесь тоже сады и виноградники, и лопатки снова рубят, кромят живые корни.

Ракеты ближе, стрельба все громче. Недалеко за садами слышен тревожный, передвигающийся в сторону Днепра грохот.

— Там уже танки проходят! — Не танки — танкетки... — Один черт!

Курсант Колосовский — послышался среди деревьев голос командира роты. — Возьмите несколько бойцов и разведайте, что это там грохнет.

В группе Колосовского — Степура, Василантис, учитель и еще несколько солдат и ополченцев.

Перебежали чей-то двор, через огороды. Очутились в каком-то скверике с подстриженными кустами, с дорожками, посыпанными песком. Ракеты вспыхивают уже совсем близко, цепочки трансирующих пуль прошивают тьмоту, бьют стекла окон, черепицу, срывают с деревьев листья, и листья, как под градом, сыплются, падают на разведчиков вместе с веточками.

Колосовский приказывает лечь и пробираться ближе к грохоту, к ракетам, ползком. Кусты тут пахнут опьяняюще, лесок шестист.

— Смотри, кто-то стоит меж деревьями, — толкнул Степуру незнакомого боец.

Действительно, среди деревьев виднелась чья-то фигура. Пули, пробивая сквер, лезли прямо на нее, а она стояла, не падала.

— Да это же Ленин! — тихо воскликнул учитель, который лежал впереди Степуры. Они быстро поползли туда.

Да, это был Ленин. Скромный бронзовый Ленин на высокой клумбе в сквере рабочего поселка.

Горячо дыша, бойцы подползли к самому монументу и залегли возле него тесным полукругом. Они лежат, а Ленин стоит над ними, защищая их.

Перевели с украинского М. АЛЕКСЕЕВ И И. НАБАУТЕННО

Редакция обратилась к ряду зарубежных деятелей движения в защиту мира, присутствовавших на недавней Конференции советской общности...

Дж. ЭНДИКОТТ, член президиума Всемирного Совета Мира, председатель Канадского конгресса защиты мира

Разоружение — путь предотвращения войны

Канада — член НАТО и член Британского содружества наций. Но ее экономическая жизнь в настоящее время зависит от США и контролируется ими в большей мере...

Объединения и совместных действий всех группировок, борющихся за мир, с тем, чтобы было достигнуто полное разоружение...

Жак МАДОЛЬ, французский писатель

Общие задачи борьбы за мир во всем мире те же, что и в Канаде. Разоружение — ключ к их решению.

Пусть этот год станет началом новой эры

Во Франции необходимо изо дня в день все более упорно предостерегать общественность против смертельной опасности, угрожающей настоящему и будущему человечества...

«Известия с острова Сумба...»

В. ОСТРОВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

БЕЛЫЙ приземистый домик под сенью кокосовых пальм, затвораживало склоны свои кроны над легкой черепичной крышей. У входа — большой свежескрашенный щит с надписью: Редакция «Суара Индонезия».

Летом 1953 года, например, начал выходить ежемесячник «Кисах», созданный специально для того, чтобы печатать короткие рассказы...

В Белаван — небольшой портовый городок неподалеку от Медана — я поехал вместе с Шарифуддином Танджунгом, корреспондентом Medanской газеты «Патриот»...

Гордость Польши

НЕ БЫЛО около четырех лет, когда, сидя у руля на котором играла мать, я впервые услышал звуки, с невыразимой силой озвучившие мое детское сердце...

Американский журнал «Сатердей индиз пост» в прошлом году без излившей скрытности назвал поражение контрреволюционного мятежа «трагедией Индонезии»...

На страницах индонезийской печати попадаются иной раз дико выходящие сообщения, весьма далекие от истины.

Недавно в одной джакартской газете я обнаружил большую статью под заголовком «Невеста превратилась в тигра».

Рисунок А. Ильичева

Гений Шопена

ГЕНИИ — не только кладь дарований, но и прежде всего жгучее, действенное ощущение современности, судьбы своего народа.

В тридцатые годы, когда началась всевропейская слава Шопена, мировые музыкальные столицы были арены сенсационных успехов артистов-виртуозов.

Триумф Шопена был одной из великих побед антибуржуазного, гуманистического искусства. Да, его слушали человеческие души!

Шопену выпала на долю великая заслуга впервые познать мир с сердечными звуками славянской музыки и заставить его полюбить их.

Свежесте и новизна искусства Шопена обусловлены были в значительной мере тем, что в них широко проявляла себя музыкальная стихия Польши.

Внимание читателей! В ближайшие дни заканчивается подписка на «Литературную газету» на 2-й квартал.